

Ливень стегал нескончаемыми холодными плетями, размывая глинистые тропы и превращая их в скользкое месиво.

Укрывшись за декоративной каменной горкой, Сун Ляньчэнь торопливо смахнул заливавшие глаза струи. Опасливо косясь по сторонам, чтобы не попасться на глаза бдительным патрульным, он скользнул на едва заметную тропку, ведущую прочь со склонов горы Куньву, за пределы владений секты Тяньсюань-цзун. Шагал он размашисто, почти бежал, и в каждом его движении сквозила паника беглеца.

Сун Ляньчэнь и подумать не мог, что Оуян Жуй вдруг потребует к себе Линь Юя. Неужели старик что-то заподозрил? Или это простое любопытство, искренний интерес к одаренному юноше? А может, до главы секты дошли слухи, что Линь Юй — сын Лу Шэна, и он решил переманить его на свою сторону?

Каковы бы ни были причины, после этого разговора Линь Юй наверняка узнает правду. И что тогда? Предаст ли он его снова, как в прошлый раз?

Сун Ляньчэнь не мог так рисковать. Снова оказаться в руках Оуян Жуя — верная смерть. Нужно уходить, и как можно скорее.

Ледяная вода хлестала по лицу, застилая глаза и размывая очертания тропы. Из-за спешных сборов Сун Ляньчэнь не догадался прихватить даже захудалый зонт. Вымокший до нитки, продрогший до костей, он являл собой жалкое, отчаянное зрелище.

Но глупо было думать о таких мелочах. Миновав ворота секты Тяньсюань-цзун, Сун Ляньчэнь устремился вниз по длинной каменной лестнице, ведущей к подножию горы.

От ливня древний гранит сделался скользким как лед. Юноша торопился, испуганно оглядывался через плечо, силясь разглядеть в темноте возможную погоню, и в какой-то момент оступился. Нога соскользнула с мокрой ступени, и он кубарем полетел вниз.

Удары о холодные, острые грани ступеней отзывались дикой болью, но он лишь крепче обхватил голову руками, не позволив ни единому стону сорваться с губ.

Лестница казалась бесконечно длинной. Когда Сун Ляньчэнь наконец рухнул на размокшую землю у подножия, ему показалось, что все кости в его теле превратились в крошево. Боль парализовала мышцы — он не мог даже пошевелиться.

Судорожно, со свистом глотая ртом ледяной воздух, он долго лежал в грязи. Лишь спустя вечность юноше удалось собрать остатки сил и перевернуться на живот. Но едва он уперся дрожащими руками в землю, силясь подняться, как хлеставшие по спине тяжелые струи ливня вдруг прекратились.

Сун Ляньчэнь с трудом задрал голову. В непроглядной тьме прямо перед ним стоял силуэт. Незнакомец держал над собой широкий зонт, слегка наклонив его так, чтобы укрыть беглеца от бушующей непогоды.

— Куда это ты собрался в такой час? — негромко спросил он.

Грохот грома утонул в ослепительной вспышке молнии. Белый свет на миг выхватил из темноты лицо стоявшего.

Линь Юй.

Он выследил его! От этой мысли кровь застыла в жилах Сун Ляньчэня.

Заметив его оцепенелый, полный ужаса взгляд, Линь Юй тихо вздохнул.

— Ну что с тобой? Подняться сможешь? — Он слегка наклонился и протянул ему руку.

Сун Ляньчэнь проигнорировал жест. Шатаясь, преодолевая слабость в непослушных ногах, он поднялся сам. Смерил Линь Юя колючим взглядом и произнес:

— Ты ведь всё узнал.

Это был не вопрос — горькая констатация факта.

Линь Юй долго всматривался в его бледное, искаженное злостью лицо, прежде чем сокрушенно вздохнуть:

— Так вот почему ты сбежал посреди ночи, да еще в такую бурю? Неужели ты думал, что я сдам тебя?

— А разве нет?! — зло выплюнул Сун Ляньчэнь. — Я ведь верил тебе, дурак! А ты заманил меня сюда, польстившись на награду и теплое местечко. В прошлый раз Тяньсюань-цзун не пожелало принять тебя в ученики, так что ты просто загреб золото. Но сегодня на Собрании Испытания Меча тебе наконец-то удалось выслужиться перед этим старым ублюдком Оуян Жужем! Неужто упустишь шанс выслужиться еще раз и подняться повыше?

Эту грязную вину за предательство Линь Юю оставалось только молча нести на своих плечах. Он мысленно вздохнул, проглотив обиду, и попытался оправдаться:

— Но я ведь ничего не помню.

Он надеялся, что юноша поймет: лишившись памяти, он лишился и прежней гнили в душе, а значит, не станет повторять былых мерзостей.

Взгляд Линь Юя оставался кротким и обезоруживающе искренним, что лишь сильнее взбесило Сун Ляньчэня. Юношу затрясло от ярости.

— Да будь ты хоть трижды без памяти, нутро у тебя всё то же — лживое и гнилое! Если ты явился сюда не ради награды, то зачем вообще выслеживал меня в такой ливень?

— Обидно слышать, — вздохнул Линь Юй. — Неужели за все эти дни ты так и не понял, как я к тебе отношусь? К тому же ты мой ученик. Когда среди ночи в такую бурю парень сбегает из дома, долг учителя — убедиться, что он не свернет себе шею.

Сун Ляньчэнь тяжело, прерывисто дышал, не находя слов от возмущения.

Линь Юй выждал паузу и продолжил уже мягче, со всей искренностью:

— Судя по твоим рассказам, до беспамятства я и впрямь был знатным подлецом. Но сейчас мне всё это чуждо, я хочу жить просто. Прости меня за то, что я сотворил с тобой в прошлом. Я обещаю, что заглажу свою вину.

Немного помолчав, он добавил:

— Твоя голова не станет ступенью для моей карьеры, даю слово. А теперь пошли назад.

Линь Юй потянулся к руке юноши, но Сун Ляньчэнь вдруг резко дернулся назад и выбросил руку вперед. В темноте блеснуло холодное лезвие зажатого в ладони кинжала.

Линь Юй даже не шелохнулся. Он просто перехватил запястье Сун Ляньчэня, без труда пресекая выпад. Оружие со звоном выскользнуло из онемевших пальцев беглеца и затерялось в грязи.

— Ну и ну... — пробормотал Линь Юй.

— Лу Хуайцин! — закричал Сун Ляньчэнь, срывая голос. — Ты едва не лишил меня жизни, а теперь думаешь отделаться дешевым «прости»? Кем ты себя возомнил?! С чего бы мне верить тебе? Ты лживая тварь!

Линь Юй горько усмехнулся. Он прекрасно понимал, что предательство прежнего владельца этого тела оставило в душе юноши глубокую, незаживающую рану, лишив его способности доверять людям.

Но раз уж он очнулся в шкуре Лу Хуайцина, то и платить по его счетам придется ему самому — за все подлости и грехи без исключения.

Сун Ляньчэнь был на грани истерики. К тому же в окрестностях города Куйсин всё еще могли рыскать демоны — отпустить мальчишку одного в такую ночь было бы чистой воды безумием.

Пытаться вымолить прощение прямо сейчас казалось глупым, но и бросить его Линь Юй не мог.

Линь Юй устало потер виски. Голова раскалывалась. И как с ним быть? Вырубить и унести силой? Но Сун Ляньчэнь — не куль с мукой, а живой человек. Если запереть его или держать на привязи, это лишь привлечет ненужное внимание в секте.

Радовало лишь одно: старейшины Небесного Сокровенного не стали поднимать шумиху из-за побега, а начали тайные поиски. По крайней мере, это давало шанс уберечь упряма от лишних неприятностей.

Высказав всё, что накопело, Сун Ляньчэнь рванулся прочь, но Линь Юй мертвой хваткой вцепился в его плечо.

В завязавшейся потасовке зонт вылетел из рук и покатился по траве. Линь Юй, недолго думая, обхватил бьющегося юношу за пояс и крепко прижал к себе.

— Отпусти! Слышишь, Лу Хуайцин, отпусти меня, тварь! — неистово хрипел Сун Ляньчэнь. Он брыкался, извивался и несколько раз наотмашь съездил Линь Юю ладонью по лицу.

Терпение Линь Юя, обычно безграничное, начало иссякать. Мало того что он отдувался за чужие грехи, так теперь еще и получал по лицу от взбалмошного мальчишки, которому пытался помочь.

— Да уймешься ты наконец?! — прикрикнул Линь Юй, стискивая его сильнее. — Сказал же: я тебе не враг! Какого черта ты взвился? Живо возвращаемся, иначе до утра сляжешь с лихорадкой!

— Не уймусь! — Сун Ляньчэнь вскинул на него покрасневшие, полные слез и ненависти глаза. — Думаешь, если не сдал меня сию же секунду, то стал святым?! Ждешь, что я в ноги тебе поклонюсь? Да ты ничем не лучше тех ублюдков! Они вырезали мою семью, растоптали мою жизнь, а теперь требуют покорности?! Да с какой стати?! Я ненавижу их! Ненавижу тебя! Ненавижу весь этот блядский мир и хочу, чтобы вы все сдохли в муках!

Он принялся исступленно колотить кулаками по груди Линь Юя, а когда силы начали иссякать, в бессильной злобе вцепился зубами в его плечо. Сун Ляньчэнь кусал с такой яростью, что ткань одежды мгновенно пропиталась кровью.

Линь Юй глухо охнул от боли, но даже не попытался оттолкнуть юношу. Прежде он никогда не видел Сун Ляньчэня в таком состоянии. За время их недолгого знакомства этот парень казался ему колючим, упрямым и на удивление живучим. Сколько бы бед на него ни валилось, он никогда не опускал рук. А сейчас перед ним стоял израненный, захлебывающийся слезами ребенок, чей хриплый крик разрывал душу.

Линь Юй терпеть не мог детских слез. Он тихо вздохнул и принялся осторожно поглаживать вздрагивающую спину юноши.

— Ну же... Поплачь. Выплесни всё это.

Сун Ляньчэнь сперва беззвучно содрогался, но этот тихий, мягкий шепот словно сорвал какую-то невидимую плотину в его душе. Из горла вырвался первый, полный невыносимой муки всхлип, переросший в безудержные рыдания.

Задыхаясь от слез, он судорожно цеплялся пальцами за плечи Линь Юя, ломая ногти.

«Какое же убожество», — думал Сун Ляньчэнь. Он ведь считал себя закаленным, готовым к любым ударам судьбы. Но сегодня он трусливо бежал в ночь, разразился жалкими слезами на груди у врага и опустился на самое дно. Бездомная шавка и та выглядела достойнее.

Что он вообще может противопоставить этому миру? Ничего. Он пустышка, ничтожество, жалкий калека.

Осознав собственное бессилие, Сун Ляньчэнь разжал побелевшие пальцы и с силой прикусил губу, сиюсь заглушить позорные рыдания. На губах выступила кровь.

Почувствовав, что юноша затих, Линь Юй заподозрил неладное. Он отстранился, заглянул ему в лицо и нахмурился. Сун Ляньчэнь мелко дрожал, его кожа сделалась мертвенно-бледной, а взгляд остекленел. Он балансировал на грани обморока.

Не видя другого выхода, Линь Юй аккуратно надавил на особую точку на затылке юноши. Тот мгновенно обмяк в его руках. Подхватив потерявшего сознание беглеца, Линь Юй побрел обратно к секте.

Сун Ляньчэнь пришел в себя от тупой, ноющей боли, сковавшей все тело. Он тихонько застонал, сиюсь восстановить в памяти события минувшей ночи.

Оглядевшись, он с ужасом узнал очертания знакомой комнаты. Юноша рванулся было сесть, но прострелившая спину боль заставила его со стоном рухнуть обратно на подушки. Взглянув на свои руки, он обнаружил, что предплечья аккуратно перемотаны чистыми бинтами. Судя по

ощущениям, такие же повязки стягивали и его ребра.

В комнате царил полумрак — рассвет едва брезжил. Под тяжелым ватным одеялом было тепло. Сун Ляньчэнь осторожно провел ладонью по соседней половине постели. Простыня еще хранила чужое тепло. Похоже, Линь Юй провел остаток ночи здесь, рядом с ним.

При воспоминании о пережитом позоре лицо Сун Ляньчэня пошло пятнами. Он сердито потер лоб и, преодолевая ломоту в суставах, сполз с кровати.

Голова гудела, сухой жар опалял горло — похоже, ночная прогулка под ливнем не прошла даром и у него началась лихорадка. Но сейчас юноше было не до здоровья. Обувшись, он нетвердой походкой приблизился к двери. Едва его пальцы коснулись деревянного засова, как с улицы донесся яростный, срывающийся крик:

— Лу Хуайцин, сука, только попробуй тронуть меня!..

Договорить Лу Юньмяо не успел. Раздался глухой, тяжелый удар — звук падения человеческого тела на землю, — а следом за ним утробный, полный боли стон.

И тут же раздался ленивый, насмешливый голос Линь Юя:

— Ну? И что же мне мешает, а?

<http://bllate.org/book/18181/1760852>